

DOI 10.18522/2500-3224-2023-4-190-205

УДК 94(47).081

НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ О «ПРОЕКТЕ ОСНОВНЫХ НАЧАЛ ПОЛОЖЕНИЯ О ВОЙСКЕ ДОНСКОМ» (1860-е гг.)¹

Волвенко Алексей Александрович

Таганрогский институт им. А.П. Чехова

(филиал ФГБОУ РГЭУ «РИНХ»),

Таганрог, Россия

avolvenko@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются результаты деятельности донского комитета по пересмотру войскового положения в 1860-х гг. Комитет подготовил ряд проектов по многим отраслям управления и экономики Земли войска Донского, главным из которых являлся проект нового Положения о войске Донском. На основе историографического задела автор делает вывод об особой важности проекта, который представляет собой квинтэссенцию правового представления донского казачества о своем месте в имперской административной и сословной иерархии после отмены крепостного права. В статье характеризуются основополагающие статьи полного текста проекта положения, который был обнаружен в Государственном архиве Ростовской области. Анализ содержания проекта помещен в контекст общественно-политической ситуации, сложившейся на Дону в начале 1860-х гг. Показывается роль войскового наказного атамана войска Донского П.Х. Граббе в подготовке проекта. Раскрываются мнения военного министра Д.А. Милютин, а также других высокопоставленных чиновников в отношении проекта, критические замечания которых в итоге привели к отказу от реализации проекта на практике.

Ключевые слова: донское казачество, комитет по пересмотру войскового положения, проект положения, П.Х. Граббе, Д.А. Милютин.

Цитирование: Волвенко А.А. Новые сведения о «Проекте основных начал положения о Войске Донском» (1860-е гг.) // Новое прошлое / The New Past. 2023. № 4. С. 190–205. DOI 10.18522/2500-3224-2023-4-190-205 / Volvenko A.A. New Information about "The Draft of the Basic Beginnings of the Regulations on the Don Army" (1860s), in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2023. No. 4. Pp. 190–205. DOI 10.18522/2500-3224-2023-4-190-205.

© Волвенко А.А., 2023

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00653, <https://rscf.ru/project/23-28-00653>.

NEW INFORMATION ABOUT “THE DRAFT OF THE BASIC BEGINNINGS OF THE REGULATIONS ON THE DON ARMY” (1860s)

Volvenko Alexey A.

Taganrog Institute of A.P. Chekhov,
Taganrog, Russia
avolvenko@mail.ru

Abstract. The article discusses the results of the activities of the Don Committee for the revision of the military situation in the 1860s. The Committee prepared a number of projects in many areas of administration and economy of the Land of the Don Army, the main of which was the draft of the new Regulations on the Don Army. Based on the historiographic background, the author concludes that the project is of particular importance, which is the quintessence of the Don Cossacks' legal understanding of their place in the imperial administrative and class hierarchy after the abolition of serfdom. The article characterizes the fundamental articles of the full text of the draft regulation, which was found in the State Archives of the Rostov Region. The analysis of the content of the project is placed in the context of the socio-political situation that prevailed on the Don at the beginning. 1860s The role of the military ataman of the Donskoy P.Kh. Grabbe in preparation for the project. The opinions of the Minister of War D.A. Milyutin, as well as other high-ranking officials in relation to the project, whose critical remarks eventually led to the abandonment of the project in practice.

Keywords: Don Cossacks, Committee for the revision of military regulations, draft regulations, P.Kh. Grabbe, D.A. Milyutin.

В истории Дона и войска Донского XIX в. важное место занимает деятельность комитета по составлению положения об устройстве войска Донского (1819–1835) и комитета по пересмотру войскового положения (1860–1865). Первый комитет формально проработал с 1819 по 1822 г., но его историю обычно продолжают до принятия подготовленного им Положения 1835 г. Комитет же начала 1860-х гг. заседал по времени больше, оставил после себя много проектов, в том числе главный – новое Положение, но на практике оно реализовано не было. Деятельность каждого из комитетов имеет свою историографию. Однако, если дореволюционные и советские исследователи больше интереса проявляли в отношении первого комитета, то в современной историографии заметен уклон в сторону второго, видимо, как менее изученного в предыдущий период. Тем не менее, белые пятна в истории комитетов еще остаются. И, пожалуй, главным из них является вопрос о проекте Положения комитета 1860-х гг., полный текст которого долгое время был неизвестен. В середине 1990-х гг. Р.Г. Тикиджьян строил предположения о его содержании [Тикиджьян, 1996]. По критическим отзывам со стороны различных ведомств на проект нам удалось в 2008 г. выявить некоторые его детали и общую направленность [Волвенко, 2006]. По таким же косвенным источникам, но только по результатам обсуждения проекта казачьими представителями от округов Земли войска Донского (далее – ЗвД), А.Ю. Перетяцько представил свою версию основополагающих статей проекта [Перетяцько, 2022; Перетяцько, 2018а; Перетяцько, 2018b]. Такая исследовательская настойчивость обуславливается тем, что проект представляет собой квинтэссенцию правового представления донского казачества о своем месте в имперской административной и сословной иерархии после отмены крепостного права. Он также является последним примером всеобъемлющего универсального Положения (по форме схожим с известным Положением 1835 г.) и должен был послужить образцом для других казачьих войск в случае одобрения сверху (но этого не случилось – отметим мы, забегаая вперед). Наконец, по степени охвата и детализации военной и гражданской жизни донского казачества он мог стать если не своеобразной донской Конституцией, то юридическим актом с огромным символическим значением для последующего общественно-политического развития Донского войска и казачества в целом. Недавно в фонде крупного донского чиновника 1840–1860-х гг., одного из идеологов «казакоманства» И.С. Ульянова, хранящемся в Государственном архиве Ростовской области (далее – ГАРО), нам все же удалось обнаружить его полный текст под названием «Проект основных начал Положения о войске Донском» [ГАРО, ф. 243, оп. 1, д. 41, л. 35–103]. В данной статье мы проанализируем содержание проекта в контексте деятельности местного комитета и проследим судьбу документа при прохождении в высших эшелонах власти.

Донской комитет по пересмотру войскового положения работал в весьма непростой общественно-политической ситуации. Открытому 23 февраля 1860 г. по инициативе войскового наказного атамана (далее – в.н.а.) М.Г. Хомутова комитету, по замыслу Военного министерства, отводилась роль инструмента в реализации реформаторского курса по отношению к казачеству. Сам курс в общих чертах был сформулирован военным министром Д.А. Милютиним во всеподданнейшем докладе от

15 января 1862 г., а затем детализирован в подготовленных в Управлении иррегулярных войск (УИВ) «Соображениях... о главных началах, которые должны быть приняты в руководство при составлении новых положений о казачьих войсках». Его основные идеи сводились к следующему: ограничить определенной нормой число служилых казаков и ввести новый порядок формирования строевых частей (на выбор из систем как принятых в то время в казачьих войсках, так и распространенных в европейских армиях – ландверной или конскрипционной); освободить часть казаков от обязательной военной службы, а также предоставить казакам право беспрепятственного выхода из сословия, разрешить прием иногородних на казачьи земли и в казачью службу; допустить частную собственность в казачьих землях; при устройстве войсковых администраций и суда использовать опыт аналогичных губернских органов власти. Реализация таких идей на практике привела бы к радикальному изменению казачьего уклада жизни. Поэтому известия о планируемых преобразованиях, разными способами и в разном виде проникавшие в донское общество с начала 1860-х гг., разделили казачье дворянство и местное чиновничество на два лагеря: «прогрессистов» – приверженцев реформ и «казакоманов», выступавших за сохранение/восстановление традиционных казачьих привилегий. Начальник штаба войска Донского кн. А.М. Дондуков-Корсаков принял сторону последних, выразив несогласие с линией Военного министерства, вследствие чего был вынужден подать в отставку, и в феврале 1863 г. под присмотром специального посланника Александра II графа Ф.В. Орлова-Денисова он покинул Донскую землю. Сменивший М.Г. Хомутова новый в.н.а. П.Х. Граббе также испытывал симпатии к казакоманам. Он отказался от поста председателя комитета в пользу представителя донского генералитета генерал-майора Ф.И. Шумкова, известного своей консервативной позицией [Volvenko, 2017; Volvenko, 2015]. Это не могло не отразиться на деятельности комитета и на его оценке предложений по реформированию казачества, высказанных в «Соображениях...». Такую оценку комитет дал в специальной записке, переданной в Военное министерство через Ф.В. Орлова-Денисова. В ней практически все основные идеи «Соображений...» были или отвергнуты, или дополнены определенными условиями, нивелирующими первоначальный их смысл. А заканчивалась записка просьбой об «усилении» состава комитета и выделении дополнительного финансирования [ГАРО, ф. 46, оп. 1, д. 719, л. 141–166].

Какой отклик получила записка в Военном министерстве, доподлинно не известно, но вряд ли он оказался положительным. Тем не менее состав комитета был действительно укреплен за счет приема новых членов, которые в течение 1863 г. также подвергались ротации [ГАРО, ф. 46, оп. 1, д. 719, л. 5–5об.]. Более того, с января 1863 г. в.н.а. П.Х. Граббе вел переписку с Д.А. Милютиным о необходимости участия в работе комитета «выборных от общества». «Именно в таком смысле, – писал Граббе, – выразилось общественное мнение при самом начале учреждения комитета. А назначение членов его административным порядком было принято с неподверженным никакому сомнению недоверием всего общества к прочности и полезности для края трудов его, – с недоверием, увеличивающимся в последнее время вследствие распространения в народе слухов о предложенных Военным

министерством для руководства комитетом изменениях в поземельных и личных, присвоенных казачьему сословию правах. Опасение сего основано на одних только слухах, и доселе тревожит общественное мнение» [РГВИА, ф. 330, оп. 3, д. 84, л. 267–267об.]. Перед тем как обратиться к министру с письмом, атаман провел встречу с окружными и войсковыми дворянскими депутатами, и они высказались за участие выборных в деятельности комитета, причем не только от дворян, но и от станичных обществ. После этого П.Х. Граббе конкретизировал свою инициативу, предложив ввести в состав комитета 24 депутата – по 12 от станиц и от дворян с назначением им денежного пособия на время нахождения в Новочеркасске [РГВИА, ф. 330, оп. 3, д. 84, л. 268об.]. Пока в Военном министерстве согласовывалось атаманское предложение, комитет к июлю 1863 г. разработал и представил в Военное министерство 15 отдельных проектов, а к началу сентября подготовил обнаруженный нами текст «Проекта основных начал Положения о войске Донском».

Проект насчитывал 730 статей, разбитых на 115 глав и распределенных по 4-м отделам: 1) Сословное учреждение войска Донского ст. 1–133 (гл. 1–23); 2) Главное управление войска Донского ст. 134–153 (гл. 24–28); 3) Военное устройство ст. 154–407 (гл. 29–60); 4) Гражданское устройство войска ст. 408–730 (гл. 61–115). Таким образом, наибольшее количество статей сосредоточено в отделе «Гражданское устройство», наименьшее в «Главном управлении войска Донского».

В первой же статье обозначаются границы ЗвД, причем их описание опирается на известную карту от 10 октября 1786 г., преподнесенную войску Екатериной II. В последующих статьях дается определение «основному народонаселению войска Донского» – это «собственно Донские казаки и причисляемые к ним калмыки». Наличие крестьянского населения на Дону оговаривается следующей фразой: «сверх того на земле Войска поселены временно-обязанные крестьяне». В 5 статье четко прописывается назначение проекта: «Настоящее положение определяет гражданский и военный быт собственно войскового казачьего населения» [ГАРО, ф. 243, оп. 1, д. 41, л. 36]. Основополагающей статьей проекта является 6 статья – «Казачье сословие Войска Донского, вследствие исторического своего образования и особого назначения в государстве, имеет двоякое учреждение: как войска и как гражданского общества» [ГАРО, ф. 243, оп. 1, д. 41, л. 36]. В проекте определяются следующие главные повинности казачьего сословия: воинская (внешняя и внутренняя), гражданская (войсковые и земские) (ст. 7–9). Подтверждается принцип при поступлении на военную службу (за исключением службы в гвардейских частях) «снаряжение иметь на собственный счет» (ст. 12), а также ее обязательное личное отбывание со следующим исключением «в видах развития в крае торговли, промышленности и ремесел, предоставляется нижним чинам право зачисляться в Донское купеческое общество и в станичные ремесленники с освобождением от службы» (ст. 15). Пожалуй, центральное место в проекте занимают главы 7, 8 и 9 (соответственно, «Сословные права и преимущества» ст. 36–43, «Права личные» ст. 44–56, «Особенные личные права» ст. 57–58). Так, в 7 главе фиксируется, что земля в войске Донском «составляет неприкосновенную собственность всего войскового казачьего сословия» (ст. 36)

[ГАРО, ф. 243, оп. 1, д. 41, л. 38об.]. Местные войсковые доходы считаются «неотъемлемой собственностью войска», а расходы из них «производятся на основании отдельного Войскового бюджета, ежегодно составляемого Войсковым правлением и утверждаемого Военным министерством» (ст. 37–38) [ГАРО, ф. 243, оп. 1, д. 41, л. 39]. Как по военному, так и по гражданскому управлению ЗвД подчинены Военному министерству, а «по частям судебной, духовной, почтовой, учебной, казенной и контрольной оно подлежит ведению соответствующих государственных учреждений» (ст. 39) [ГАРО, ф. 243, оп. 1, д. 41, л. 39]. В статье 40 фиксируется равенство в правах и привилегиях войсковых офицерских чинов с соответствующими чинами армии. В последующих двух статьях оговаривается право замещения административных и судебных должностей по внутреннему управлению Войска по выбору общества, а также условие, по которому все управленческие должности замещаются только лицами войскового сословия. В то же время статья 43 запрещает прием в казачье сословие войска лиц других состояний. В главе 8 перечисляются «права личные» казаков, а именно: освобождение от платежей податей в казну и от поставки рекрут (ст. 44); условия продвижения по службе, награждения и отставки на основе военного устава (ст. 45–46); пользование землей — общинное и частное (причем общинное право распространяется только на земли, отведенные в юртовое станичное довольствие, и принадлежит исключительно гражданам станицы, а право частного владения простирается «только на земли в частное владение предназначенные» ст. 47–49); торговать и заниматься промыслами внутри Войска без пошлин в государственную казну, но с отчислениями в пользу станиц и Войска, а за его пределами на основе общих законов Империи (ст. 50–53); владеть по праву наследства и приобретать по крепостным актам земли и др. недвижимые имущества в пределах Империи, продавать их, вступать в подряды и в поставки, обязываться векселями и пр. (ст. 54–55); переходить по собственному желанию в другие сословия Империи (ст. 56). В двух статьях главы 9 упоминаются права и преимущества войсковых дворян, потомственных и личных, а также духовенства казачьего происхождения, положение которых (за исключением отбывания воинской повинности и войсковых гражданских повинностей) приравнивается к положению коронного дворянства и русского духовенства (ст. 57–58).

Глава 10 полностью посвящена вопросам выхода из войскового сословия. Данное право предоставляется казакам лично или с потомством, навсегда, с условием перечисления в другие сословия империи. Служилые казаки также имели возможность покинуть свое сословие, но при условии, чтобы общее «число служилых казаков было бы всегда достаточно для формирования определенных законом строевых частей». Решившиеся перейти в другое сословие лишались всех казачьих прав, в том числе земельных. И только владельцы потомственных земель сохраняли их за собой, с возможностью их отчуждения «не иначе как лицам казачьего сословия» (ст. 59–62). В 11 главе более подробно расписывается безусловный запрет на прием в казачье сословие.

Проект предусматривает создание «Донского купеческого общества» в целях «развития правильной и постоянной торговли в пределах войска Донского» (гл. 13).

В статье 65 отказ от прежнего названия «торговых казаков» объясняется тем, что слово «купец» имеет более определенное среди торговых людей значение, чем наименование «торговые казаки»; кроме того, это позволит отделить донских купцов от тех казаков, которые ведут временную торговлю. Статья 65 также предусматривает увеличение общества до двух тысяч семейств — количества, необходимого для успешного «развития торговых оборотов в Войске».

В главе 16 разбираются права иногородних в ЗвД. В ней дается четкое определение т.н. «иногородним» — «под именем иногородних разумеются все лица, не принадлежащие к казачьему сословию Войска Донского» (прим. ст. 76) [ГАРО, ф. 243, оп. 1, д. 41, л. 41об.]. Статья 77 устанавливает права иногородних для ведения предпринимательской деятельности — «в Новочеркасске, торговом поселении Калаче и во всех станицах Войска, постройка домов, фабрик, заводов и вообще торговых заведений, а равно приобретение существующих уже там подобных строений, дозволяется иногородним лицам купеческого, промышленного и ремесленного сословий, а также лицам духовным и чиновным, имеющим постоянное пребывание на Дону по обязанностям службы и по родственным связям с казаками, но не иначе как с согласия станичных обществ, за исключением г. Новочеркаска и Калача, где такового согласия не требуется» [ГАРО, ф. 243, оп. 1, д. 41, л. 41об.]. Однако иногородним могли принадлежать только строения: земля под ними оставалась в собственности Войска, а сами иногородние за эту землю должны платить ежегодную пошлину: в Новочеркасске и Калаче по 10 коп. за каждую квадратную сажень, а в станицах по 5 коп. Кроме того, иногородним отказывали в гражданских правах и преимуществах казачьего сословия (ст. 79–80), но продавать свои строения они могли и казакам, и иногородним (ст. 83).

Земельное устройство освещается в главах 18–23 проекта. В статьях 84–85 закрепляется принцип принадлежности земли всему Войску, владение и пользование которой основывается на «потребностях Войска и каждого из членов его». В станичных общественных земельных владениях (юртах) сохранялась норма надела (пая) в 30 дес. на каждую душу мужского пола (д.м.п.), в то же время «никакая часть земли и никакие угодья, в черте станичного юрта заключающееся, не должны выходить из владения общества казаков в чью-либо личную собственность» (ст. 89) [ГАРО, ф. 243, оп. 1, д. 41, л. 44]. Также в проекте было сохранено право поместных лиц войска Донского на потомственное владение участками удобной войсковой земли «по числу состоявших за ними в окладе 8 ревизии крестьян, из расчета на каждую д.м.п. этой ревизии 15 дес.» (ст. 111) [ГАРО, ф. 243, оп. 1, д. 41, л. 73об.]. Донским помещикам была предусмотрена возможность передавать потомственные земли по наследству, в том числе и иногородним лицам, «но продажа или вообще отчуждение по каким бы то ни было актам укрепления сих земель лицам иногородним строго запрещается» (ст. 113) [ГАРО, ф. 243, оп. 1, д. 41, л. 74]. В проекте ограничивались права бывших донских крепостных крестьян, которые «приобретенные ими в собственность усадьбы и земельные наделы... могли передавать по наследству или отчуждать по актам укрепления только лицам своего сельского общества, или

тем из посторонних лиц, которые будут приняты в состав того же сельского общества» (ст. 116) [ГАРО, ф. 243, оп. 1, д. 41, л. 74]. В потомственное владение передавалась земля из запасных войсковых земель беспоместным и мелкопоместным чиновникам Войска Донского (ст. 118). В примечании к ст. 118 дается определение таким чиновникам: «беспоместные чиновники в войске Донском суть те, за коими крестьян по окладу 8 ревизии не числилось и которые в потомственную собственность земли не получают; а мелкопоместные чиновники суть те, которые по числу состоявших за ними по 8 ревизии крестьян получили или имеют право получить в потомственную собственность земли в количестве, меньшем против следующего им по их чинам» [ГАРО, ф. 243, оп. 1, д. 41, л. 74об.]. Срочные участки земли, ранее отведенные беспоместным и мелкопоместным чиновникам и их семействам, обращались, согласно статье 120, в потомственное пользование этих чиновников и их семейств без каких-либо условий.

Для раздачи 1 млн десятин войсковой удобной земли беспоместным и мелкопоместным чиновникам в статье 121 был предусмотрен срок в 25 лет, по истечении которого всем казакам, произведенным в генералы, штаб и обер-офицеры, земля уже не выдавалась, но они «должны получать... на службе ежегодное денежное пособие, а по отставке — пенсии, из процентов особо образуемого для этого войскового земельного капитала» [ГАРО, ф. 243, оп. 1, д. 41, л. 75]. Важное условие владения потомственными участками оговаривалось в статье 126 — «участки не могут быть ни продаваемы, ни закладываемы, ни иным способом отчуждаемы, но оставаясь не раздробляемыми, могут переходить только в род получившего участок лица, по прямой нисходящей линии, за пресечением которой участки возвращаются в войско, беспоместные вдовы чиновников владеют всеми участками пожизненно или до замужества» [ГАРО, ф. 243, оп. 1, д. 41, л. 75–75об.]. За свои участки беспоместные и мелкопоместные чиновники и их наследники должны были вносить в особый поземельный денежный капитал «ежегодную пошлину от 3 до 6 коп. за десятину сообразно различной ценности земель в разных округах войска», а также «нести все денежные земские повинности, налагаемые на земли поместных владельцев в войске Донском» (ст. 128) [ГАРО, ф. 243, оп. 1, д. 41, л. 75об.].

Каких-либо существенных отступлений от действующих правил и положений в отделе «Главное управление войска Донского» в проекте не встречается.

В отделе «Военное устройство» выделяются следующие статьи по важности их содержания. Так, статья 170 устанавливала норму полевых полков, выходящих на службу от войска Донского, а именно 56 полков. Их названия должны соответствовать наименованиям станиц «тех военных округов, из которых они сформированы. Названия эти присваиваются им при выступлении на действительную службу» (ст. 172). Статья 232 закрепляла новые сроки казачьей службы в соответствии с нормами высочайшей грамоты Александра II от 8 сентября 1863 г. — «генералы, штаб, обер-офицер и классные чиновники войска обязаны состоять на полевой или внутренней службе 15 лет, до истечения которых они могут увольняться в отставку только по болезням, но ни от кого из них неотъемлемо право продолжать службу

и далее всего срока. Общий срок службы для нижних чинов войска полагается 22 года, из коих они отправляют службу полевую как в Гвардии, так и в армии 15 лет, а затем внутреннюю службу 7 лет и по выслуге этих сроков увольняются в чистую отставку. Те из них, которые прежде выслуги 15 лет в полевой службе по болезни окажутся неспособными для всей службы, перечисляются во внутреннюю, в которой и заслуживает общий 22-летний срок, неспособные же и к внутренней службе перечисляются в чистую отставку» [ГАРО, ф. 243, оп. 1, д. 41, л. 51об.]. Донские офицеры, окончившие Николаевскую академию Генерального штаба, Михайловскую артиллерийскую и Николаевскую инженерную академии, могли поступать на службу в регулярные войска, сохраняя свой казачий статус и право вернуться обратно на войсковую службу (ст. 272). В проекте подробно расписывается выделяемое от государственной казны довольствие донским частям во время прохождения ими полевой службы – от обыкновенного жалования до ремонтных и фуражных денег (ст. 352).

Из отдела «Гражданское устройство войска» выделяется статья 410. В ней предлагается внести изменения в названиях гражданских округов ЗвД: «для устранения недоумения встречаемых на практике... от не определительных названий, присвоенных первому и второму Донским округам, призвано более сообразно переименовать второй Донской округ в Чирской, присвоенным ему это название от имени главной станицы Нижне-Чирской, в которой находится окружное управление этого округа. Первый же Донской округ именовать только Донским» [ГАРО, ф. 243, оп. 1, д. 41, л. 69]. Таким образом, устанавливались следующие названия округов: Черкасский, Донецкий, Чирской, Донской, Усть-Медведицкий, Хоперский, Миусский и Калмыцкий. Также предполагалось соединить три существующие станицы Новочеркаска (Верхняя, Средняя и Нижняя) в одну под названием «Новочеркасская».

Центральным местом отдела является правовая регламентация станичного самоуправления, отличающаяся от действующих в то время норм в этой области. Согласно статье 485, структура станичного самоуправления должна была состоять из станичного управления и сборов станичников – полного общественного и депутатского. Право участия на полных общественных сборах имели все граждане станицы без различия чинов и вероисповедания, достигшие 25-летнего возраста и «не опороченные судебным или общественным приговором» (ст. 495). Депутатский сбор формировался из граждан станицы, выбранных станичным обществом из своей среды на один год в качестве представителей (депутатов), «число которых измеряется с народонаселением в станице и полагается от 30 до 100 человек» (ст. 498). Депутатский сбор считался действительным, если на нем присутствовало не менее половины всех депутатов (ст. 499). Сбор получал значительные полномочия. Например, согласно статье 511 он мог осуществлять суд и расправу в станицах, для этого «собираясь... два раза в месяц по воскресным дням, в числе не менее половины своего состава» [ГАРО, ф. 243, оп. 1, д. 41, л. 80об.].

Завершить обзор «Проекта основных начал Положения о войске Донском» хотелось бы приведением содержания статьи 544. Эта статья, на наш взгляд, отлично

иллюстрирует определенную направленность проекта, которая впоследствии, наряду с другими правовыми нормами проекта, подвергнется жесткой критике в высших инстанциях и в конце концов предопределил его провал. В статье 544 предусматривалось условие замещения всех должностей в войсковых учебных заведениях «преимущественно училищными чинами обоего пола из лиц казачьего сословия». В сноске к данной статье приводилось следующее обоснование: «существующее постановление о замещении должностей по учебным заведениям Министерства народного Просвещения преимущественно лицами казачьего сословия применяется ко всем другим учебным заведениям Войска Донского, т.к. такое применение последовательно вызывается коренным правилом войскового положения о замещении должностей по внутреннему управлению войска только лицами казачьего сословия (подчеркнуто в тексте. — А.В.)» [ГАРО, ф. 243, оп. 1, д. 41, л. 83].

Конечно, текст проекта требует более глубокого анализа, а не только описания наиболее важных его статей. Данный анализ возможен при детальном сравнении проекта с действующим Положением 1835 г., с отраслевыми статьями общеимперского права, а для этого необходимо провести отдельное масштабное историко-ведческое исследование.

«Проект основных начал Положения о войске Донском» находился на «прочтении» в.н.а. П.Х. Граббе до октября 1863 г. В ноябре он был передан на рассмотрение т.н. выборных депутатов. К этому времени инициатива Граббе о привлечении представителей общественности к составлению проекта наконец получила фактическое воплощение. По свидетельству авторитетного донского генерала — «прогрессиста» И.И. Краснова от каждого «гражданского» округа было избрано по одному депутату от потомственных дворян, от беспоместных чиновников и от каждой из 108 станиц войска. Такие депутаты получили «полную свободу изменять и дополнять оный (проект. — А.В.) по общему согласию, или, в случае не состоявшегося согласия, представлять отдельные мнения» [Краснов, 1865, с. 350–351]. Полный персональный состав избранных депутатов неизвестен. Но мы точно знаем, что в их числе находились видные «казакоманы»: И.С. Ульянов, И.П. Прянишников, Х.И. Попов и др. Пересмотр проекта проходил в течение ноября–декабря 1863 г. Этот процесс был организован таким образом, чтобы представители от разных групп казачества и округов не пересекались друг с другом. В ГАРО хранятся замечания на проект со стороны Хоперских, Черкасских и Усть-Медведицких депутатов. Современный историк А.Ю. Перетяцько детально разобрал и сравнил предлагаемые депутатами изменения в проекте. Он сделал обоснованный вывод о том, что депутатские замечания оказались еще более консервативными, чем изначальное содержание статей проекта. По мнению А.Ю. Перетяцько, эти замечания в качестве некоего «казачьего общественного идеала» стали «шагом назад, к сословной демократии позднего Средневековья, когда привилегированное положение и самоуправление одних сословий соседствовали с полным бесправием других» [Перетяцько, 2018b, с. 40]. Мы также полностью разделяем еще одно важное наблюдение историка. В интерпретации А.Ю. Перетяцько, хоперские депутаты в будущем новом «Положении

об управлении Донским войском» (естественно, с учетом их предложений) видели настоящий общественный договор с властью, гарантирующий сословные права казаков [Перетяцько, 2018b, с. 34]. Более того, нам представляется, что такой подход поддерживало абсолютное большинство донского казачества, а не только депутаты Хоперского округа.

15 декабря 1863 г. П.Х. Граббе телеграфировал в Санкт-Петербург о том, что рассмотрение проекта Положения депутатами закончился, и они были распущены по станциям. Во второй половине декабря постоянные члены комитета внесли изменения в текст проекта с учетом замечаний и особых мнений депутатов и передали его атаману [ГАРО, ф. 46, оп. 1, д. 719, л. 6об.]. П.Х. Граббе, в свою очередь, предоставил проект в Военное министерство только 11 февраля 1864 г. Причем высланы были первые 3 отдела проекта с атаманскими правками, 4-й отдел поступил в Санкт-Петербург 25 марта, чуть позже министерство получило и личное мнение П.Х. Граббе по поводу 21 главы, регулирующей земельные отношения [РГВИА, ф. 330, оп. 8, д. 7, л. 2–3]. К сожалению, окончательный вариант проекта до сих пор не найден. Однако известна объяснительная записка к проекту, судя по всему, составленная лично Ф.И. Шумковым. В записке содержится краткое объяснение уже знакомых нам основных положений проекта. Но ценность ее обусловлена, пожалуй, двумя обстоятельствами. Во-первых, Ф.И. Шумков формулирует главные особенности «300-летнего исторического существования войска», заключающиеся, по его мнению, в 4-х положениях: «1. Вся земля, известная на карте России под названием земли Донских казаков, есть собственность казачьего сословия войска (в тексте подчеркнуто карандашом. — А.В.); 2. Принадлежность к казачьему сословию обуславливается происхождением или лучше сказать рождением от казака; 3. Все казачьи сословия и каждый член его обязаны воинской повинностью государству... снаряжаясь каждый раз на службу... за собственный счет; 4. И взамен такой поголовной обязанности все казачье сословие освобождено от всякого рода податей и других сборов в пользу государства» [РГВИА, ф. 330, оп. 8, д. 7, л. 11–11об.]. Такие войсковые «особенности», по Ф.И. Шумкову, оправдывали содержание проекта; с другой стороны, они являлись лейтмотивом всей законотворческой деятельности комитета. Во-вторых, записка (как, видимо, и весь проект) была прочитана лично Д.А. Милутиным, на ее полях сохранились пометки карандашом, которые выдают скептический настрой министра по отношению к читаемому тексту [РГВИА, ф. 330, оп. 8, д. 7, л. 23, 26]. Д.А. Милутин также согласился практически со всеми критическими комментариями в адрес проекта, которые поступали в Военное министерство от других ведомств в течение 1864 г. Необходимость согласования проекта, несмотря на его «казачью» специфику, была стандартной процедурой рассмотрения такого рода документов. Наиболее объемные замечания поступили от МВД и министерства юстиции. Министр внутренних дел П.А. Валуев ответил первым в конце августа 1864 г. Его замечания имели как пространственный характер, так и касались конкретных положений проекта. П.А. Валуев подверг критике в основном те статьи, в которых регулировались земельные отношения, а также фиксировались права казаков и иногородних. Министр отмечал: «Комитет предоставляет казакам внутри Империи те гражданские

права и преимущества, от которых устраняет помещиков и вообще иногородних в пределах ЗвД... признавая за войском права приобретения земли в смысле государством, нельзя исключать из него и частного владения, но только на праве полной собственности. Ограничение потомственного владения донским иногородним помещикам отведенным им землям было бы несогласно ни с духом общего законодательства, ни с истинными потребностями края, ни с самим понятием о собственности... а главное, нарушало бы принцип единства и неразрывной связи Империи» [РГВИА, ф. 330, оп. 8, д. 7, л. 51–51об.]. О том, что «земельные» статьи проекта «противоречат понятию собственности», П.А. Валуев в своем заключении повторил неоднократно [РГВИА, ф. 330, оп. 8, д. 7, л. 54–55]. Предоставление только казакам права участвовать в выборах на различные должности в войске, планируемое в проекте, министр категорически не принял «по непреложности истины и в общих видах политических» [РГВИА, ф. 330, оп. 8, д. 7, л. 57]. Статью о запрещении приема в казаки лиц других сословий П.А. Валуев назвал «нелогичной», имеющей в своей основе «прямое стремление сохранить замкнутость войска в полном ее значении». Это «стремление», по мнению П.А. Валуева, особенно выразительно наблюдается в дополнениях к проекту, которые сделали станичные депутаты. Последние ради поддержания принципа обособленности края «увлеклись до противоречий». «Если станичные депутаты протестовали против внесения в проект статьи 41, относительно предоставления лицам казачьего сословия выхода навсегда из состава войска и перечисления в другие сословия империи, поддерживая свой протест объяснением, что “для сохранения древнего своего быта полезнее оставаться в неразрывной связи, чем разъединяться к упадку сил”, – если те же депутаты, обсуждая вопрос о дозволении иногородним иметь прочное обзаведение и оседлость во всех станицах, пришли к убеждению, что “допущение постоянного водворения иногородних лиц может иметь для войска не только бесполезные, но и вредные последствия”... то с положениями этими трудно согласовать третье мнение депутатов, которые признают необходимым предоставить обучавшимся в семинариях светским людям право поступления в духовное звание на вакансии в видах устранения замкнутости нынешнего духовенства». Собственно, из этой критики проистекает главный вывод П.А. Валуева: «...подтверждением доводов и желаний расширить право казачьего сословия внутри войска и укрепить замкнутость от единства с Империей служит то, что Комитет, проектируя ст. 339, относит к обязанностям поземельного отделения: “охранение неприкосновенности войсковых границ”, ибо в противном случае вместо слова “границ” следовало поставить слово “земель”, чтобы устранить и самую мысль о неприкосновенности границ между составными частями всего государства. Конечно, – продолжает П.А. Валуев, – настоящее обстоятельство, отдельно взятое, не подлежало бы, может быть, и суждению по мелочности заключающегося в нем предмета, но значение его в совокупности со всеми другими статьями проекта положения, клонящимися к обособлению страны, делается несомненным и не должно уже быть обойдено незамеченным. Наконец, увлечение к предвзятой идее о замкнутости является не разумным; в ст. 442, на основании коей все должности по учебным заведениям замещаются училищными чинами обоого пола, преимущественно из казачьего сословия. Тут не сделано даже никакой оговорки,

следовательно, допускается прямое заключение о преимуществе менее способных, если только они принадлежат к казачьему сословию, над более способными, если последние, по происхождению из уроженцев Империи, не подходят к этому условию» [РГВИА, ф. 330, оп. 1, д. 47, л. 64–67]. На записке П.А. Валуева Д.А. Милютин оставил надпись карандашом «с некоторыми я вполне согласен» [РГВИА, ф. 330, оп. 8, д. 7, л. 48]. Очевидно, сложные межличностные отношения помешали Д.А. Милютину полностью согласиться с мнением П.А. Валуева, хотя по смыслу оно во многом было затем повторено в замечаниях министра юстиции Д.Н. Замятина, на которых Д.А. Милютин начертил: «Все соображения министерства юстиции вполне разделяю; совершенно с этой же точки зрения и я смотрю на проект» [РГВИА, ф. 330, оп. 8, д. 7, л. 116]. Записка с замятинскими «соображениями» поступила последней, на излете 1864 г. В разборе статей, касающихся земельных отношений, замечания Д.Н. Замятина перекликаются с валуевскими, особенно в вопросе «о необходимости предоставления полного права собственности на землю бывшим помещикам, крепостным крестьянам и иногородним». Однако министр юстиции оказался еще более внимательным в своей критике: «В главе 7 “О сословных правах и преимуществах” нельзя не обратить внимание на главу 23, по которой земля в войске Донском составляет неприкосновенную собственность всего войскового казачьего сословия. Эта статья по-видимому находится в противоречии со ст. 33, 35, 78, 79, 81, и 82. Сравнив эти статьи, я нахожу, что в одной земли, принадлежащие по наследству или по актам укрепления частным лицам в войске, комитет признает потомственной собственностью, а в другой неприкосновенную собственностью войска; в ст. 82 то и другое понятие соединены вместе» [РГВИА, ф. 330, оп. 8, д. 7, л. 116]. Принципиальным противником выступил Д.Н. Замятин по отношению к зафиксированному в проекте запрету на прием в казачье сословие. «Неужели комитет, сознавая всю пользу перехода регулярных офицеров в казачество, запрещает его только из опасения, чтобы в число офицеров не перешли несколько человек не вполне образованных? Неужели, по мнению комитета, все офицеры войска Донского действительно вполне образованны? Допустим даже, что комитет, одушевляясь снисхождением ко всему родному, разделяет это убеждение, то и тогда несколько офицеров, не вполне образованных... в войске Донском имели бы возможность в обществе вполне образованных казаков, пополнить пробелы в образовании» [РГВИА, ф. 330, оп. 8, д. 7, л. 119–119об.]. Резкой критике Д.Н. Замятин подверг устанавливаемое в проекте ограничение в правах иногородних. По мнению министра, «принятие иногородних переселенцев на Дон воодушевило бы этот край, богатый дарами природы и счастливый по своему географическому положению, привлекло бы туда капиталы, торговлю и промышленность, тогда явилась бы конкуренция, без которой ни торговля, ни промышленность не мыслимы, напротив, запрещение обрекает все это на постоянный застой и вечную неподвижность» [РГВИА, ф. 330, оп. 8, д. 7, л. 85об.]. Полное несогласие министр выразил проектированному принципу выборности станичными обществами судей на 25 лет, а также с назначением председателей и членов в войсковые судебные учреждения только из казаков. В заключение Д.Н. Замятин посчитал необходимым «обратить внимание Военного министерства на основную мысль, которая проведена во всем проекте основных начал: комитет в

своих положениях как бы отделяет войско Донское от всей империи, окружает его недоступною преградой и в этом замкнутом кружке полагает устроить совершенно отдельное внутреннее управление» [РГВИА, ф. 330, оп. 8, д. 7, л. 101об.].

Остальные ведомства прислали свои заключения на проект без принципиальных возражений, а встречающиеся в них замечания носили совсем незначительный характер [РГВИА, ф. 330, оп. 8, д. 7, л. 21об., 49об.–50]. И только Святейший Синод поддержал проект в той его части, которая непосредственно имела отношение к его компетенции. Особенно главу Синода митрополита Исидора воодушевил декларируемый в проекте «прием в духовное звание лиц светского происхождения из казачьего сословия, а также предоставление кандидатам из казачьего сословия преимущественного права на занятие вакансий при станичных церквях пред кандидатами из иногородних лиц, конечно, равными им по достоинствам» [РГВИА, ф. 330, оп. 8, д. 7, л. 90].

Согласование «Проекта основных начал Положения о войске Донском» с гражданскими ведомствами не помешало донскому комитету продолжить работу над отдельными проектами во взаимодействии с Военным министерством. На конец 1865 г. в описи дел комитета фиксируются 57 проектов, из которых на разных стадиях рассмотрения находилось 53 проекта, а над четырьмя еще трудились члены комитета [ГАРО, ф. 46, оп. 1, д. 719, л. 7–14]. Комитет, войсковая администрация и военное ведомство наибольшее внимание уделяли проработке земельного вопроса. Напомним, что проект предполагал раздачу 1 млн дес. земли участками определенного размера в потомственное пользование беспоместным и мелкопоместным чиновникам (включая вдов и сирот). За право пользования такими участками их владельцы должны были ежегодно вносить пошлину от 3 до 6 коп. за десятину и оплачивать земские сборы. Все земельные пошлины должны были направляться в особый поземельный капитал, который в свою очередь мог быть потрачен на пенсии чиновникам, которым после раздачи участков не достанется земли, а также отказавшимся от земли в пользу денежного пособия. По этому поводу П.Х. Граббе высказал особое мнение – участки раздать строго до 1870 г., выделив для этого только 700–800 тыс. дес. земли; пошлину взимать по 1,5 коп. с дес. и обращать ее в войсковой инвалидный капитал; произведенным в офицеры после 1870 г. ни земли, ни денег не давать, ограничившись выплатой пенсий «за раны и за выслугу лет» [ГАРО, ф. 46, оп. 1, д. 698, л. 62–63об.].

В Военном министерстве предложения комитета и в.н.а. посчитали «не совсем удобными». По мнению ведомства, необходимо было позволить дворянам-чиновникам выкупать земельные участки, а также разрешить рассрочку взноса выкупной суммы по желанию на 28 лет или 33 года. Выкупные суммы должны были образовать особый вспомогательный капитал, который позволит «в отдаленном будущем заменять поземельные наделы денежными пособиями» [ГАРО, ф. 46, оп. 1, д. 698, л. 64–64об.]. В связи с такой позицией Военного министерства П.Х. Граббе настоятельно рекомендовал комитету вернуться к рассмотрению земельных статей проекта. Комитет не стал вступать в полемику с центром, согласился на изменение

соответствующих глав и статей проекта и сообщил в.н.а. о готовности составить более подробные правила о наделении и пользовании землей в войске Донском, в случае одобрения проекта в целом [ГАРО, ф. 46, оп. 1, д. 698, л. 69об.]. В свою очередь, такое одобрение зависело от многих факторов, а главное, от результативной работы аналогичных комитетов в других войсках. Их деятельность проходила с разной степенью эффективности и имела свою специфику, отразившуюся на проектах, в том числе в сторону бóльшего учета пожеланий, высказанных в «Соображениях...». Тем не менее, в итоге все без исключения проекты, поступившие в Военное министерство, были признаны «не соответствующими духу новейшего законодательства» и переданы в архив Управления иррегулярных войск.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Волвенко А.А. Нереализованный проект Положения о войске Донском // *СКНЦ ВШ. Научная мысль Кавказа. Спецвыпуск.* 2006. № 1. С. 20–24.

Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 46. Оп. 1. Д. 719.

ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 41.

Краснов И.И. Беспоместные и мелкопоместные чиновники войска Донского // *Русский вестник.* 1865. Т. 58. С. 329–351.

Перетьяко А. Ю. Замечания станичных депутатов на проект нового «Положения об управлении Войска Донского» (1863 г.) // *Русский архив.* 2022. № 10(1). С. 4–26.

Перетьяко А. Ю. К истории одного текста: «Положение об управлении Донского войска» 1860-х годов // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения.* 2018а. Т. 23. № 2. С. 100–110.

Перетьяко А. Ю. Казачья сословная утопия: замечания хоперских депутатов на проект нового «Положения об управлении Донским войском» в 1863 г. // *Вестник Томского государственного университета. История.* 2018б. № 55. С. 33–42.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 330. Оп. 1. Д. 47.

РГВИА. Ф. 330. Оп. 3. Д. 84.

РГВИА. Ф. 330. Оп. 8. Д. 7.

Тикиджьян Р.Г. Реформы 60–70-х гг. XIX в. в России и деятельность «Донского кодификационного комитета» // *Проблемы казачьего возрождения: сборник научных статей.* Ростов-на-Дону: Научно-методический центр «Логос», 1996. С. 31–36.

Volvenko A. A. Don Atamans of the Age of «Great Reforms» (the 1860s–1870s) // *Russkaya Starina.* 2017. № 8(1). Pp. 34–54.

Volvenko A. A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860s). Part I // *Russkaya Starina.* 2015. № 1(13). Pp. 19–37.

REFERENCES

- Volvenko A.A. Nerealizovannyi proekt Polozheniya o voiske Donskom [Unrealized draft Regulations on the Don Army], in *SKNTs VSh. Nauchnaya mys' Kavkaza. Spetsvyпуск*. 2006. No. 1. Pp. 20–24 (in Russian).
- State Archive of the Rostov Region (GARO). F. 46. Inv. 1. D. 719.
- GARO. F. 243. Inv. 1. D. 41.
- Krasnov I.I. Bespomestnye i melkopomestnye chinovniki voiska Donskogo [Un'estate and petty estate officials of the Don army], in *Russkii vestnik*. 1865. Vol. 58. Pp. 329–351 (in Russian).
- Peretyat'ko A.Yu. Zamechaniya stanichnykh deputatov na proekt novogo "Polozheniya ob upravlenii Voiska Donskogo" (1863 g.) [Comments of the village deputies on the draft of the new "Regulations on the management of the Don Army" (1863)], in *Russkii arkhiv*. 2022. No. 10(1). Pp. 4–26 (in Russian).
- Peretyat'ko A.Yu. K istorii odnogo teksta: "Polozhenie ob upravlenii Donskogo voiska" 1860-kh godov [To the history of one text: "Regulations on the management of the Don army" of the 1860s], in *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2018. Vol. 23. No. 2. Pp. 100–110 (in Russian).
- Peretyat'ko A.Yu. Kazach'ya soslovnaya utopiya: zamechaniya khoperskikh deputatov na proekt novogo "Polozheniya ob upravlenii Donskim voiskom" v 1863 g. [Cossack estate utopia: remarks of the Koper deputies on the draft of the new "Regulations on the management of the Don army" in 1863], in *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 2018. No. 55. Pp. 33–42 (in Russian).
- Russian State Military Historical Archive (RGVIA). F. 330. Inv. 1. D. 47.
- RGVIA. F. 330. Inv. 3. D. 84.
- RGVIA. F. 330. Inv. 8. D. 7.
- Tikidzh'yan R.G. Reformy 60–70-kh gg. XIX v. v Rossii i deyatel'nost' "Donskogo kodifikatsionnogo komiteta" [Reforms of the 60–70s 19th century in Russia and the activities of the "Don Codification Committee"], in *Problemy kazach'ego vrozhdeniya: sbornik nauchnykh statei* [Problems of the Cossack revival: a collection of scientific articles]. Rostov-on-Don: Scientific and methodological center "Logos", 1996. Pp. 31–36 (in Russian).
- Volvenko A.A. Don Atamans of the Age of "Great Reforms" (the 1860s–1870s), in *Russkaya Starina*. 2017. No. 8(1). Pp. 34–54.
- Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860s). Part I, in *Russkaya Starina*. 2015. No. 1(13). Pp. 19–37.

Статья принята к публикации 21.09.2023